

Новые Известия. - 2002. - 24 окт. - с. 6

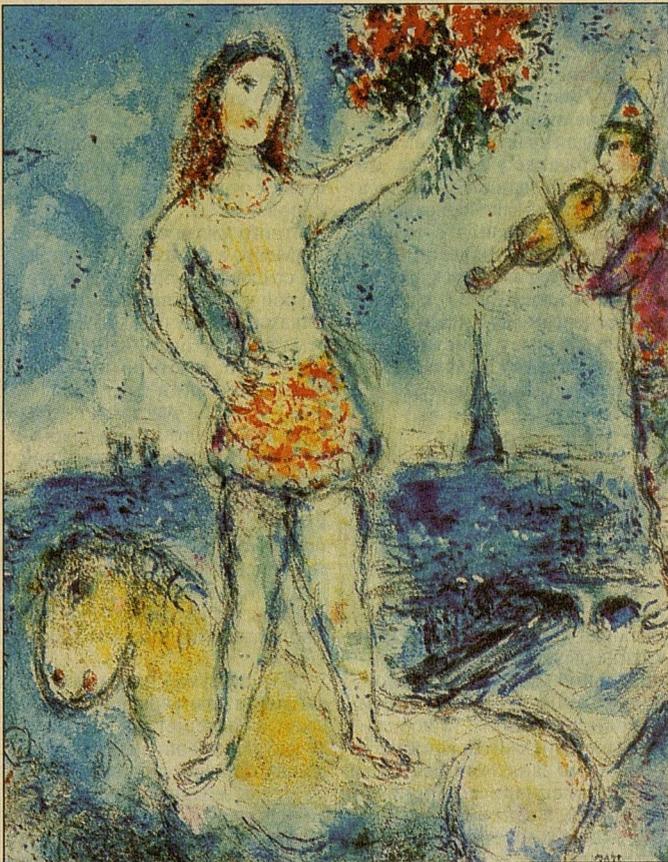
Лучше поздно

Выставка живописи Марка Шагала
в галерее Центра искусств на Неглинной

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Событие это на московской сцене редкое и значительное. Весть была бы совсем уж сенсационной, если бы речь шла о музейной ретроспективе с показом разных творческих периодов, включая наиболее ценный знатоками «русский». Но экспозиция в МЦИ, хотя и составлена без всякого анализа из поздних работ (рамки 1962 – 1983 годов нарушают всего три вещи, в том числе дореволюционная «Ферма дедушки»), все равно остается эффектным зрелищем. Встретиться с подлинниками Шагала у нас особенно негде: главные российские

той навсегда (в начале 70-х, правда, художник наведлся в СССР, но в Витебск не поехал: роль следовало отыгрывать до конца). В беседах и частных разговорах он настаивал, что считает себя русским художником, хотя французские искусствоведы и сионистские проповедники никогда не забывали вносить его имя в свои драгоценные списки. Марк Шагал и подыгрывал всем «узурпаторам» своей репутации, и периодически с ними размежевывался. Делал витражи не только для израильской синагоги, но и для католического собора в Сент-Этьене, иллюстрировал ветхозаветные сюжеты попеременно с новозаветными, в интернациональ-

Наездница с букетом. 1966 г.

музеи вроде Третьяковки и Русского предпочитают эксплуатировать свои запасы на стороне, то и дело участвуя в зарубежных акциях, а частные коллекционеры вынимать сокровища на свет не торопятся. Некрулый юбилей художника, 115-летие, отмечен с запозданием и несколько однобоко, но все же отмечен.

Шагал не баловал публику разнообразием сюжетов, зато внутри изблженных иконографий самовыражался на полную. Не сказать, чтобы Шагал предложил миру какой-то универсальный изобразительный метод, хотя в разное время его считали своим и неопрimitивисты, и кубисты, и экспрессионисты, и сюрреалисты. Специально для него Гийом Аполлинер выдумал термин «сюрнатурализм», в науке не прижившийся, зато указавший на художника, которому все прочие окружающие «измы» пришлись не по размеру. Пожалуй, главная доблесть Шагала – в создании личной мифологии. В этой сказке, ставшей бльё, заякка Моисей из черты оседлости становится гениальным Марком, дочка провинциального ювелира Берта Розенфельд – его возлюбленной женой, бесподобной летающей Беллой, а захолустный Витебск – мистическим Градом Божьим, где корова не замычит и мужик не почесается без молчаливого всевышнего благословения.

Составной частью мифа была ностальгия по родине, покину-

ных беседах то и дело переходил с идиша на французский, а с французского на русский. О своих убеждениях высказывался так: «Я не хожу в церковь или синагогу. Моя молитва – моя работа». Выбор и теперь остается за зрителем: относиться к этим произведениям с точки зрения какой-нибудь правоверности, хоть иудайской, хоть искусствоведческой, или же искать в них выражение свободной личности автора, понимаемой как частица Мировой Души.

Выставка появилась в Москве стараниями трех галерей – нью-йоркской «О'Хара», берлинской «Фолькер Диль» и московской «Айдан». Двигала ими не столько культуртрегерская, сколько дилерская задача: пристроить шагаловские полотна в хорошие руки по сходной цене, выражаемой когда в десятках, а когда и в сотнях тысяч у.е. Не секрет, что для VIP-публики выставка открылась неделей раньше, и к моменту демократического вернисажа часть экспонатов была зарезервирована. Искать тут чьи-нибудь проски бесперспективно, поскольку это обычная мировая практика. Больше того, существовала высокая вероятность, что выставка вообще окажется недоступна для посетителей с улицы. В конце концов страховщики поддались на уговоры организаторов: до конца недели на Неглинной будут рады всякому зрителю.

289